

КУЛЬТУРА ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ CULTURE OF FINNO-UGRIC PEOPLES

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.361-372><https://elibrary.ru/uwmdtm>

УДК / UDC 646.43:7.036.45(470.22)

Оригинальная статья / Original article

Символические функции традиционной дорожной одежды карелов

Г. В. Рывкина

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск, Российская Федерация
galryv@yandex.ru*

Аннотация

Введение. В современной научной литературе имеются пробелы в изучении семантики традиционной одежды карелов, в частности символики дорожного костюма, поскольку культура передвижения карелов достаточно долгое время находилась вне интересов исследователей. Цель исследования – анализ знаково-символических функций карельского дорожного костюма, который даст возможность получить сведения о мифологических представлениях и ритуалах народа, связанных с дорогой, а также в целом о карельской пространственной мифологии.

Материалы и методы. Источниковую базу исследования составили архивные этнографические собрания и полевые материалы автора, записанные среди южных групп карелов в 2018–2024 гг. При подготовке статьи в рамках функционального подхода применялся анализ знаково-символических функций одежды карелов, позволивший выявить основные составляющие дорожного костюма, выступавшие в качестве дополнительного оберега.

Результаты исследования и их обсуждение. В качестве дорожного костюма карелы использовали будничную одежду, дополняя ее специализированными видами верхней. В результате анализа знаково-символических функций костюма были выделены обязательные элементы одежды путника: головной убор, верхняя одежда, пояс, рукавицы, обувь. Указанные комплектующие наделялись символическим значением: препятствовали воздействию на путника враждебных сил, устанавливали границу между человеком и «чужим» миром, создавая безопасную зону вокруг путника в условиях потенциально опасной дорожной среды, служили дорожным маркером человека.

Заключение. Результаты исследования вносят вклад в изучение традиционной картины мира карелов, национальной специфики материальной культуры сквозь призму движения. Материалы статьи могут быть полезны при исследовании дорожной культуры родственных народов. Перспективы исследования видятся в дальнейшем изучении символической функции дорожной обуви карелов.

Ключевые слова: карелы, дорожная одежда, дорожная культура, верования, мифология

Финансирование: финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН (регистрационный номер 124022000029-0).

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Рывкина Г. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Рывкина Г.В. Символические функции традиционной дорожной одежды карелов. *Финно-угорский мир*. 2025;17(3):361–372. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.361-372>

Symbolic Functions of Traditional Karelian Travel Outfit

G. V. Ryvkina

*Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation
galryv@yandex.ru*

Abstract

Introduction. In contemporary scholarly literature, there are gaps in the study of the semantics of traditional Karelian clothing, particularly the symbolism of the travel costume, as the culture of mobility among the Karelians has long remained outside the interests of researchers. The aim of the study is to analyze the sign-symbolic functions of the Karelian travel costume, which will provide insights into the mythological beliefs and rituals of the people related to the road, as well as into Karelian spatial mythology as a whole.

Materials and Methods. The source base of the research comprises archival ethnographic collections and the author's field materials recorded among southern Karelian groups between 2018 and 2024. In preparing the article, the analysis of the sign-symbolic functions of Karelian clothing was applied within the framework of the functional approach, which made it possible to identify the main components of the travel costume that served as an additional protective amulet.

Results and Discussion. As a travel outfit, the Karelians used everyday clothing, supplementing it with specialized types of outerwear. Analysis of the sign-symbolic functions of the costume identified the mandatory elements of a traveler's clothing: a headdress, outerwear, a belt, mittens, and footwear. These components were endowed with symbolic meaning: they prevented the influence of hostile forces on the traveler, established a boundary between the person and the "foreign" world, creating a safe zone around the traveler in a potentially dangerous road environment, and served as a person's road marker.

Conclusion. The research results contribute to the study of the traditional worldview of the Karelians and the national specifics of their material culture through the lens of movement. The materials presented in the article may be useful for researching the travel culture of related peoples. The prospects for further research are seen in the continued study of the symbolic function of Karelian travel footwear.

Keywords: Karelians, travel outfit, road culture, beliefs, mythology

Funding: The research was funded by the Federal Budget for the implementation of the state assignment of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (registration number 124022000029-0).

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Ryvkina G.V. Symbolic Functions of Traditional Karelian Travel Outfit. *Finno-Ugric World*. 2025;17(3):361–372. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.361-372>

Введение

Одежда является неотъемлемой частью этнической культуры любого народа, имеет полифункциональный набор характеристик, позволяет применить широкий спектр аналитических инструментов. В этой связи внимание исследователей к данному аспекту традиционной культуры не угасает. К настоящему времени в научной литературе достаточно полно представлено описание одежды карелов, ее функциональность, динамика изменений традиционного костюма под влиянием городской моды, семантика обрядовой одежды. Между тем длительное время вне исследовательского поля оставался карельский дорожный костюм. Отметим, что несмотря на оседлый образ жизни карелы представляются достаточно мобильным этносом:

в XIX – начале XX в. для обеспечения жизненных потребностей семьи карелы уходили из дома на длительный или короткий срок. В традиционном мировоззрении карелов дорога воспринималась пространством, потенциально несущим физическую и мифологическую опасность. Соответственно, элементы одежды путника для предупреждения и нейтрализации опасности наделялись особым значением. Данная статья призвана ликвидировать выявленную исследовательскую лауну, рассмотреть традиционный костюм карелов под призмой дорожной культуры. В поле зрения автора – знаково-символические функции одежды путника, анализ которых позволит получить сведения о мифологических представлениях и ритуалах, связанных с дорогой.

Обзор литературы

Первое детальное исследование, посвященное национальному костюму карелов, было проведено Р. Ф. Тароевой¹. На основе полевых материалов и дореволюционной этнографической литературы представлено описание комплекса традиционной будничной и праздничной одежды северных и южных групп карелов. Рассмотрена функциональность традиционного костюма, в том числе знаково-символическое значение таких элементов одежды, как промысловые рукавицы, пояс. Автор заключила, что основу традиционного костюма составлял севернорусский крестьянский костюм, но с включениями элементов прибалтийско-финского характера (шарфы, юбки полозатой расцветки, обувь с загнутым носом и др.).

Л. В. Трифонова рассматривала специфику традиционного костюма южных и северных карелов: превалирование тканей домашнего изготовления (льняной и конопляный холст, сукно и полусукно), влияние финской и русской городской моды на изменение праздничного костюма, сохранение архаических черт одежды женского севернокарельского костюма до середины XX в.²

Учеными Карелии были проведены локальные исследования традиционной одежды этнографических групп – сямозерских и сегозерских карелов. Традиционный костюм сямозерцев был идентичен южнокарельскому³. Этнографической особенностью костюма сегозерских карелов являлось одновременное присутствие севернокарельских (зипун, кукель, сапоги с высокими голенищами) и южнокарельских (ригачная рубаха, наголенники, лапти) составляющих⁴.

Научный интерес А. П. Косменко фокусировался на народном орнаменте традиционного костюма карелов⁵. Проанализировав образцы карельской вышивки, исследователь пришла к выводу, что первоначальное магическое (защитное) значение орнаментации традиционного костюма к XIX в. карелами было утрачено, возросла декоративная роль рисунка⁶. В. В. Сурво продолжила изучение вышивки народов Карелии, рассмотрела символические действия при изготовлении текстиля и одежды, полифункциональность орнаментированных вещей и их использование в ритуальных практиках⁷. Результаты исследований А. П. Косменко и В. В. Сурво демонстрируют

¹ Тароева Р.Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): этнографический очерк. М.: Л.: Наука; 1965. 222 с.

² Трифонова Л.В. Традиционный крестьянский костюм Южной Карелии конца XIX – начала XX в. В: Кижский вестник. Вып. 15. Петрозаводск; 2015. С. 177–206; Трифонова Л.В. Традиционная одежда северных карел (по материалам исследователей XIX – первой половины XX века). В: Кижский вестник. Вып. 11. Петрозаводск; 2007. С. 52–70.

³ Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия. В кн.: История и культура Сямозерья. Петрозаводск: ПетрГУ; 2008. С. 153–246.

⁴ Косменко А.П. Одежда и украшения. В кн.: Материальная культура и декоративно-прикладное искусство Сегозерских карел конца XIX – начала XX века. Л.: Наука; 1980. С. 116–126.

⁵ Косменко А.П. Традиционный орнамент финноязычных народов северо-западной России. Петрозаводск: КарНЦ РАН; 2002. 218 с.

⁶ Косменко А.П., Белоголова Л.Н., Мошина Т.А. Северные узоры. Народная вышивка Карелии. Петрозаводск: Карелия; 1989. С. 9.

⁷ Сурво В.В. Образы вышивки и обрядовая семантика текстиля в традициях Карелии. Helsinki: Unigrafia; 2014. 238 с.

сохранение института орнаментации одежды и использования ее в традиционных обрядах, что открывает перспективу рассмотрения знаково-символической функции вышивки на одежде применительно к дорожной культуре.

В карельских обрядах перехода ярко прослеживается мотив дороги, а участник обряда видится путником. Так, Е. И. Яскеляйнен, описав праздничный женский костюм Панозера, зафиксировала бытовавший в 1930-е гг. обычай одевать невесту в «старый» традиционный наряд, которому приписывалась оберегающая функция⁸. Использование старых, неокрашенных одежд и покрытие головы было характерно для участников похоронных, свадебных обрядов и святочного ряженья⁹. В похоронном и свадебном одеянии, представленном в работах Ю. Ю. Сурхаско, наблюдается дублирование атрибутов путника: головного убора, рукавиц, пояса, обуви¹⁰.

Таким образом, в представленной литературе тема традиционного костюма карелов освещена достаточно полно, за исключением специального одеяния для дороги, сведения о котором носят фрагментарный характер и требуют комплексного изучения.

Методологическим ориентиром исследования послужили труды, посвященные функциональности традиционного костюма, Г. С. Масловой¹¹, П. Г. Богатырева¹², А. К. Байбурина¹³, Е. Ф. Фурсовой [1], статьи этнолингвистического словаря «Славянские древности»¹⁴, а также исследования, описывающие элементы одежды, предназначенной для дороги, русских, татар, тундровых ненцев, удмуртов, башкир¹⁵ [2–5].

Материалы и методы

Статья основана на этнографических собраниях Научного архива Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ) и полевых материалах автора, собранных среди южных групп карелов в 2018–2024 гг. Все респонденты были проинформированы об участии в исследовании.

В процессе исследования использовался функциональный подход¹⁶, позволивший рассмотреть отдельный элемент одежды с позиции многоаспектности функций, адаптации его роли в условиях изменения характера окружающей реальности. В рамках статьи применялся анализ знаково-символических функций комплекса карельской дорожной одежды, давший возможность выделить группу релевантных элементов одежды путника, имеющих оберегающее значение.

⁸ Яскеляйнен Е.И. Панозерские наряды и их родословные. В кн.: Панозеро: Сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск: ПетрГУ; 2003. С. 154–179; Яскеляйнен Е.И. Вновь: о нарядах жителей северокарельской деревни Панозеро на реке Кемь. В: Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск; 2003. С. 277–282.

⁹ Конкка А.П. Семантика одежды переходных состояний у карел: погребение, свадьба, святочное ряжение. В: Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования. Петрозаводск: КарНЦ РАН; 2016. С. 386–390.

¹⁰ Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. Л.: Наука; 1985. 172 с.

¹¹ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М.: Наука; 1984. 216 с.

¹² Богатырев П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии. В кн.: Народная культура славян. М.: ОГИ; 2007. С. 215–275.

¹³ Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей. В: Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука; 1989. С. 63–88.

¹⁴ Валенцова М.М., Узенева Е.С. Платок. В кн.: Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения; 2009. Т. 4. С. 65–69; Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Обувь. В кн.: Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения; 2004. Т. 3. С. 475–479; Кабакова Г.И. Головной убор. В кн.: Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения; 1995. Т. 1. С. 506–508; Левкиевская Е.Е. Пояс. В кн.: Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения; 2009. Т. 4. С. 230–233; Толстая С.М. Одежда. В кн.: Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения; 2004. Т. 3. С. 523–533; Толстой Н.И., Усачева В.В. Волосы. В кн.: Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения; 1995. Т. 1. С. 420–424.

¹⁵ Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик; 2003. 528 с.; Матвеев А.В. Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья (XIX – первая треть XX века). Омск: Наука; 2012. 196 с.

¹⁶ Богатырев П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии. С. 215–275.

Хронологические рамки исследования обозначены периодом второй половины XIX – первой трети XX в. Нижняя граница обусловлена недостаточной полнотой материала по предыдущим эпохам, верхняя – трансформацией традиционного уклада жизни в 1930-е гг.

Результаты исследования и их обсуждение

Мотивы, побуждавшие карелов к отправлению в дорогу, можно разделить на четыре основные группы, которые могли комбинироваться в рамках одного путешествия: трудовые (внутрикраевые и внекраевые промыслы), торговые (покупка и продажа товаров), религиозные (паломничество) и празднично-гостевые (посещение родственников, участие в праздниках соседних деревень).

Получение дополнительного заработка – преобладающий мотив отлучки из дома на длительное время. Большинство уходивших были мужчинами, однако и женщины участвовали в отхожих промыслах: нанимались рабочими в сфере услуг (няньками, кухарками, портнихами и др.), занимались разностной торговлей, заработками, требующими тяжелого физического труда (сельскохозяйственные работницы, извозчицы, грузчицы), участвовали в рыболовном промысле и в лесозаготовках¹⁷. Внутрикраевой отход, не требующий получения билета или паспорта на отлучку, являлся наиболее распространенным среди женщин. В связи с тем, что данные о внутрикраевом отходе не фиксировались, установить точное соотношение мужчин и женщин в этом виде отхода весьма затруднительно¹⁸.

Религиозные и празднично-гостевые мотивы путешествий в равной степени были характерны для мужчин и женщин, за исключением обычая длительной (2–3 недели) гостьбы девушек (с-к. *ativo, adivo*; ливв. *ad'vo*; люд. *ad'v, adiv*) у родственников накануне зимних престольных праздников¹⁹.

В большинстве случаев карелы в дорогу облачались в будничный костюм. Если того требовала ситуация, то, прибыв на место, переодевались в праздничные наряды: «*Инф.*: Когда пойдешь на праздник, в другое (нарядное платье – *Авт.*) там переодеваешься.

Инт.: Переодевались до деревни или уже когда пришли на место?

Инф.: А в сарае. Раньше же не было, как сейчас (в настоящее время – *Авт.*), везде комнаты» (А. П. Иванова, 1932 г. р., ур. д. Варлов Лес, Пряжинский район). (Здесь и далее в статье все ответы респондентов приводятся без изменений, с сохранением авторской стилистики и грамматики – *Ред.*)

Оказавшись в дороге в праздничном костюме, карелы обязательно совершали остановку для очищения одежды от дорожной пыли:

«Наконец показалась деревня, мы делаем еще одну остановку на краю сосняка, и каждый чистит свою одежду, прежде чем показаться на людях»²⁰.

Но, как правило, нарядными отправлялись только на праздники или ярмарки. Выбор в пользу будничной одежды был обусловлен природно-климатическими условиями края и состоянием дорог в Карелии [6].

Опираясь на представленные выше литературные источники, дадим общую характеристику комплексам мужской и женской одежды.

Основу мужского обыденного костюма составляли холщевая рубаша (с-к. *pai-ta / paida*; люд. *paid*; ливв. *paidu*) и порты (с-к. *pukšut*; люд. *kuaddad*; ливв. *kuadiet*),

¹⁷ Литвин Ю.В. Женщина в карельской деревне: изменение статусов и ролей (вторая половина XIX – начало XX в.). Петрозаводск: КарНЦ РАН; 2023. С. 214–226.

¹⁸ Там же. С. 214.

¹⁹ Винокурова И.Ю. Праздничная система крестьянского населения Олонецкой губернии (конец XIX – XX начало в.). В кн.: Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН; 2010. С. 23.

²⁰ Инха И.К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск; 2019. С. 150.

сшитые из домотканого полотна или сукна и заправленные в сапоги. Рубаха (верхняя и нижняя) имела простой туникообразный крой, воротник-стойку и вырез на левой стороне груди. Длина рубахи варьировалась и порой достигала линии колен²¹. Рубаха подпоясывалась кожаным ремнем или плетеным поясом. К концу XIX в. в обиход карелов входит рубаха, выполненная из фабричной хлопчатобумажной ткани с отложным воротником²². В этот же период традиционные порты на гашнике сменяются штанами (с-к. *stanit*; люд. *štanad*; ливв. *štanat*), сшитыми в поясе с застежкой на пуговицах²³. В холодную погоду поверх рубашки надевали шерстяные фуфайки²⁴. Верхней одеждой в межсезонье служил кафтан (с-к. *kauhtana*; люд. *kaftan*, ливв. *kauhtan*), в холодное время года – овчинный полушубок, шубу (с-к. *turkki*; люд. *pövyi, turkki*; ливв. *turki*).

Для защиты дорожного костюма от загрязнений карелы использовали балахон (с-к. *palahvana*; ливв. *balahon*; люд. *balaffon*) из домотканого холста, имевший свободный крой, широкие рукава и капюшон-кукель (*kukkel'*)²⁵. Балахон использовался весь год, надеваясь поверх как летней, так и зимней верхней одежды. В зимний период поверх кафтана в дорогу надевали тулуп (с-к. *tuluppa*; ливв. *tuluppi*; люд. *tulupp*), а среди южных групп карелов был распространен армяк (ливв. *ärmäkkö*)²⁶. Тулуп и армяк имели схожий халатообразный покрой с удлиненным подолом, запах правой полы на левую, а застежкой служил кушак²⁷. Различие между ними было в материале пошива: армяк выполнялся из сукна (рис. 1), тулуп – из овчины (рис. 2)²⁸. Данный тип верхней одежды благодаря длинному подолу защищал ноги карелов от холода при длительной езде в санях²⁹. Согласно материалам экспедиции 1957 г. под руководством Р. Ф. Тароевой, в тулупе или «шубе едут до места работ. А работают в понитке»³⁰. Таким образом, тулуп, армяк и балахон служили специальной верхней дорожной одеждой карелов.

Р и с. 1. Армяк. Худ. Л. М. Рывкина
F i g. 1. Armiak. Artist L. M. Ryvkina

Р и с. 2. Тулуп. Худ. Л. М. Рывкина
F i g. 2. Tulup. Artist L. M. Ryvkina

²¹ Логвиненко Е.С. Традиционная одежда. В кн.: Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика; 2019. С. 131.

²² Тароева Р.Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): этнографический очерк. С. 147.

²³ Там же. С. 148.

²⁴ Логвиненко Е. С. Традиционная одежда. С. 132.

²⁵ Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия. С. 227.

²⁶ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 29. Д. 60. Л. 44; Трифонова Л.В. Традиционный крестьянский костюм Южной Карелии конца XIX – начала XX в. С. 188.

²⁷ Тароева Р.Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): этнографический очерк. С. 150.

²⁸ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 29. Д. 60. Л. 44.

²⁹ Логинов К.К. Культура жизнеобеспечения русских Заонежья. В кн.: Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика; 2019. С. 583.

³⁰ Пониток – верхняя одежда, изготовленная из полушерстяной ткани «с льняной основой, с чередованием в утке льняной и шерстяной нитки» (Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. В: Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М.: Изд-во Академии наук СССР; 1956. С. 571.); НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 29. Д. 47. Л. 9.

В качестве головного убора мужчины предпочитали покупные картузы или валяные шляпы, в холодное время года – меховые шапки³¹. Шею укрывали шерстяными шарфами или шейными платками³². Руки от мороза и ветра защищали двойными варежками: вязанными из овечьей шерсти снизу и кожаными или меховыми сверху³³.

Наиболее предпочитаемой обувью были кожаные сапоги (с-к. *šuarpuat*, *kengät*; люд. *kengad*, *čabat*; ливв. *kengät*, *suarpuat*), которые южные карелы носили круглогодично, в зимнее время года для тепла дополнительно надевали шерстяные носки³⁴. Северные карелы летом обували специальные дорожные сапоги без каблуков с загнутыми носами *nyppikenkät* (*pieksut*)³⁵, зимой – сапоги с голенищами из заячьего меха *toššu* или из оленьей кожи *koibi*³⁶.

Женский будничный костюм состоял из рубахи и сарафана либо юбочного комплекта с рубахой и кофтой, в обоих случаях обязательным атрибутом был передник. Женская рубаха (с-к. *räččinä*; ливв., люд. *räččin*) сшивалась из двух частей – рукавов (с сер. XIX в. использовали фабричные ткани) и станушки из домотканого холста³⁷. Вырез горловины имел прямоугольную или округлую форму³⁸. Сарафаны (с-к. *sarrafana*, *siičča*, *sverezi*; люд. *saraffan*, *ferezi*; ливв. *sarfan*, *ferize*) шили косоклиньного и прямого кроя «из холста, пестряди, шерсти, ситца, сатина, шелка»³⁹.

Женская рубаха составляла также основу юбочного комплекта, который использовался как рабочий костюм. Юбка (с-к. *hamen*; люд. *dupke*; ливв. *jupku*) прямого кроя имела сборку, пояс со шнурком и разрез сверху⁴⁰. Иногда по подолу пришивалась оборка⁴¹. Шили юбки из грубого льняного или конопляного холста, полусукна или ткани, сотканной из тряпок на льняной основе (одеяльные юбки)⁴². К юбкам из аналогичного материала шили прямые кофты с длинным рукавом⁴³.

В холодное время года карелки для утепления использовали многослойность в одежде, а также шерстяные ткани: надевали дополнительные суконные или ватные простеганные юбки под сарафан, сверху рубахи – шерстяные свитеры и фуфайки, ноги обогревали шерстяными чулками⁴⁴. В зависимости от сезона верхней одеждой для женщин служил укороченный зауженный в талии кафтан или «овчинные полущубки, шубы на заячьем и лисьем меху»⁴⁵. Специальной дорожной женской верхней одежды у карелок не было, в дорогу надевали армяк⁴⁶.

Женский головной убор был сложнее мужского: волосы заплетали в две косы и укладывали на голове, сверху надевали небольшую шапочку – волосник или чепец (с-к. *čärcä*; люд. *čerč*; ливв. *čerčy*), заключительным элементом была сорока (с-к. *sorokka*; люд. *sorok*; ливв. *sorokku*)⁴⁷. Выходя на улицу, женщины дополнительно повязывали на голову платок, который в зависимости от сезона и состоятельности женщины мог быть холщовым, ситцевым, шелковым или шерстяным. Женская обувь почти не отличалась от мужской.

³¹ Логвиненко Е.С. Традиционная одежда. С. 132.

³² Тароева Р.Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): этнографический очерк. С. 150.

³³ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 29. Д. 60. Л. 44.

³⁴ Трифонова Л.В. Традиционный крестьянский костюм Южной Карелии конца XIX – начала XX в. С. 192.

³⁵ Тароева Р.Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): этнографический очерк. С. 154.

³⁶ Там же. С. 155.

³⁷ Логвиненко Е.С. Традиционная одежда. С. 127.

³⁸ Логинов К.К. Традиционная одежда народов Карелии. В кн.: Костюм и праздник. Петрозаводск: Карелия; 2006. С. 22.

³⁹ Тароева Р.Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): этнографический очерк. С. 160.

⁴⁰ Там же. С. 159.

⁴¹ Косменко А.П. Одежда и украшения. С. 123.

⁴² Там же.

⁴³ Логинов К.К. Традиционная одежда народов Карелии. С. 26.

⁴⁴ Логвиненко Е.С. Традиционная одежда. С. 128.

⁴⁵ Там же. С. 129.

⁴⁶ Логинов К.К. Традиционная одежда народов Карелии. С. 28.

⁴⁷ Логвиненко Е.С. Традиционная одежда. С. 130.

В традиционном мировоззрении карелов пространство дороги обладало отрицательным значением, любой выход за пределы населенного пункта потенциально нес как физическую (дикие звери, разбойники, голод, опасные природные явления), так и связанную с мифологической картиной мира опасность (духи различных стихий, нечистая сила, порча, болезни). С целью предупреждения или нейтрализации возможной угрозы карелы использовали предметы одежды, наделяемые символическими функциями оберега.

Головной убор. Правило отправляться в дорогу (в том числе на ближние расстояния) с покрытой головой в особенности распространялось на женщин и девушек: «Для женщин ходить без платка – все равно что ходить голой»⁴⁸. Головной убор воспринимался в качестве барьера от вредоносного влияния окружающего пространства на человека. Его наличие предохраняло от болезней, приносимых ветром: «Раньше говорили – *väl' l'al tukad ei pidäü* (распущенными волосами не надо ходить – *Авт.*), чтобы волосы не разлетались, чтобы были убраны всегда. Всегда говорили платок надевать. Раньше же никогда волосы на волю не ходили (непокрытой головой – *Авт.*), были все заплетены: косичками, ленточками. А теперь ходят (без головного убора – *Авт.*), ветер (волосы разносит – *Авт.*), головы, говорят, болят. Бывало, пойдешь так (без платка – *Авт.*) – *pane paikk piäh* (надень платок на голову – *Авт.*) заранее говорили» (Е. В. Абрамова, 1932 г. р., ур. д. Тереки, Кондопожский район).

Отсутствие головного убора могло повлечь немилость духов – хозяев природных стихий, в особенности лесного: «Без головного убора не ходите, хоть платочек, хоть какую-нибудь в лес. Лесной не любит. Раньше женщины и девчонки не ходили с голой головой в лес» (Р. Н. Громакова, 1932 г. р., ур. д. Декнаволоок, Кондопожский район).

В XIX в. для шитья женских сорок начали использовать церковные ткани с вытканым изображением креста, такой головной убор дополнительно обретал роль оберега⁴⁹.

Итак, головной убор служил символической защитой человека от потусторонних сил, однако при встрече в дороге со змеей или медведем предписывалось снимать головной убор. Так, брошенным на землю платком отвлекали агрессивную змею: «Вот у меня троюродная сестра рассказывала, что на нее напала большая змея, а она была с бабушкой своей. Бабушка говорит: “Кидай в нее свой платок, кидай платок”. И вот, говорит, я сняла платок. В лес ходили всегда покрытой головой, говорит: “Бросила платок, она начала платок трепать, змея то, я убежала от змей”» (М. М. Потемкина, 1954 г. р., ур. д. Пертозеро, Олонецкий район).

Среди ведлозерских карелов было зафиксировано поверье, что медведя пугают распущенные длинные волосы, поэтому женщина при встрече с медведем снимала платок: «Мама идет по тропинке. А этот (медведь – *Авт.*) копается в муравейнике. На лапы вскочил и так. Ну, думает, что делать? Медведь боится, если волосы длинные, можно волосы распустить. Только пытаюсь, говорит, платок развязать, а он шаг делает» (Т. Е. Никитина, 1955 г. р., ур. д. Ведлозеро, Пряжинский район).

Медведь является культовым животным для карелов, его облик принимал хозяин леса⁵⁰. В карельских мифологических рассказах распущенные волосы – характерная особенность представительниц иного мира: лесной девы и хозяйки воды⁵¹. Можно предположить, вопреки объяснению информанта, что снятие головного убора и распущенные волосы не являются истинным способом напугать зверя. Вероятно, данное действие – попытка приобщения к «чужому» миру и приобретения черт, не присущих крещеному человеку (путнику), с целью стать «невидимым» для опасности.

⁴⁸ Валенцова М.М., Узенева Е.С. Платок. С. 68.

⁴⁹ Логвиненко Е.С. Традиционная одежда. С. 131.

⁵⁰ Иванова Л.И. Персонажи карельской мифологической прозы: исследования и тексты быличек, бивальщин, поверий и верований карелов. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского; 2012. С. 148.

⁵¹ Там же. С. 157; 321.

Верхняя одежда. Одной из символических функций одежды является ее восприятие в роли «двойника» человека, которому она принадлежала. Последняя домашняя одежда ушедшего путника символически заменяла его присутствие в доме и не подвергалась стирке до его прихода обратно. Постирать белье означало «стереть» ушедшего члена семьи из дома [7].

Верхняя одежда путника защищала его от негативного влияния пространства дороги, перенимала на себя все возможные мифологические угрозы окружающей среды и тем самым несла опасность для домочадцев, в частности для детей. Об этом свидетельствует существующий у карелов запрет отпускать детей встречать возвращающегося домой члена семьи или прибывающего гостя:

Инф.: Когда кто-то откуда-то приезжает, сразу не надо пускать навстречу ребенка, с дальней дороги идет, и дети же бегут сразу туда, не надо пускать.

Инт.: А когда уже можно пускать? Когда зайдет в дом?

Инф.: Когда зайдет в дом, разденется, тогда пускай» (Л. Е. Павлова, 1940 г. р., ур. д. Кормелисто, Пряжинский район).

Путнику разрешалось вступать в контакт с детьми только после снятия верхней одежды, мытья в бане и трапезы⁵². В карельской традиции баня являлась «местом обитания семейных духов-покровителей» [8], соответственно, указанный обычай способствовал приобщению человека к роду (для гостей – временно), а также утрате дорожного статуса.

Верхняя одежда служила маркером путника. Кроме того, застежка на одежде помогала идентифицировать принадлежность встречного путника: представитель он своего или потустороннего мира. Как в мужской, так и в женской традиционной верхней одежде карелов наблюдаются обязательный запах правой полы на левую и расположение застежки слева⁵³. Противоположное расположение застежки являлось отличительной чертой нечистой силы, в особенности духа-хозяина леса – лешего⁵⁴. По карельским поверьям, признаком нечистой силы также служило отсутствие пояса у путника.

Пояс. Без пояса не обходился ни мужской, ни женский костюм. На путнике могло быть повязано два и более пояса: одним подпоясывали рубаху или сарафан, вторым – верхнюю одежду. По представлениям карелов, пояс имел силу оберега от злых духов⁵⁵. Образованный поясом круг на теле символически отделял пространство человека от внешнего мира⁵⁶.

По своему значению пояс приравнивался к нательному кресту. Так, И. К. Инха записал поверье северных карелов, в котором отмечается запрет на снятие креста и пояса: «никогда, даже когда спишь, нельзя быть без креста и пояса, если хочешь оберечься от грехов»⁵⁷. Сямозерские карелы грехом считали креститься неподпоясанным⁵⁸. Н. А. Лавонен среди калевальских карелов зафиксировала бытовавший обычай носить пояс на голом теле, равно как и нательный крест, с младенческого возраста⁵⁹. Согласно материалам А. П. Конкка, карелы объясняли необходимость повязывать пояс примером Иисуса Христа, который изображался подпоясанным⁶⁰. По мнению

⁵² Иванова Л.И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского; 2016. С. 114.

⁵³ Тароева Р.Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): этнографический очерк. С. 150.

⁵⁴ Там же. С. 149.

⁵⁵ Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. С. 69.

⁵⁶ Левкиевская Е.Е. Пояс. С. 230.

⁵⁷ Инха И.К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии. С. 75.

⁵⁸ Конкка А.П. Грехи и запреты в повседневном и обрядовом поведении как часть традиционной картины мира у карел. В: На плечах Большой Медведицы: избранные статьи. Петрозаводск: КарНЦ РАН; 2015. С. 331.

⁵⁹ Лавонен Н.А. О древних магических оберегах (по данным карельского фольклора). В кн.: Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука; 1977. С. 78.

⁶⁰ Конкка А.П. Грехи и запреты в повседневном и обрядовом поведении как часть традиционной картины мира у карел. С. 331.

исследователя, одновременное ношение креста и пояса обеспечивало человеку сразу «двойную» защиту⁶¹.

В дороге карелы за поясом размещали рукавицы и топор: «А я приду, муж в это время уже поел, чаю попил, надевает тулупчик. Я ему пояс застегиваю, за пояс полагаю рукавицы меховые, эти греются, а эти рукавицы на руках, что когда лошадью правишь, руки замерзают, надо надеть поосновательнее – меховые рукавицы, а работать в них нельзя. Они толстые, неудобно держать вилы или топор. Топор за пояс, рукавицы за другой пояс, застегиваю, он идет» (В. А. Тиккоева, 1948 г. р., ур. д. Улитина Новинка, Кондопожский район).

Использование топора в качестве оберега – традиция, известная многим народам⁶². В карельской культуре наличие топора за поясом зафиксировано во многих обрядах, в том числе пастушеских и земледельческих⁶³. Топор крепили двумя способами: затыкали за пояс или вешали на петлю у пояса слева⁶⁴. Для защиты тела от пореза при поясном ношении топора на лезвие либо надевали сшитый из голенища старого сапога чехол, либо заворачивали его в кусок бересты (М. М. Потемкина, 1954 г. р., ур. д. Пертозеро, Олонецкий район). В случае отправления в дорогу наличие топора (острого предмета) за поясом усиливало его защитное действие.

Рукавицы и обувь. В карельской обрядовой культуре использование рукавиц как оберега встречается в хозяйственных⁶⁵, свадебных, похоронных и промысловых⁶⁶ практиках.

Перед отправлением в дорогу из дома невесты в дом жениха молодым надевали рукавицы⁶⁷. Они также были обязательной частью погребального костюма карелов⁶⁸. А. П. Конкка считает, что в указанных обрядах жизненного цикла рукавицы, сохраняя оберегающую функцию, облегчают переход человека из одного состояния в другое⁶⁹. В свадебной и похоронной обрядности карелов ясно прослеживается мотив дороги, а фигурирующие рукавицы молодоженов и покойника являются атрибутом путника. В зимнее время года карелы в дорогу поверх вязаных варежек надевали кожаные или меховые рукавицы, что также могло иметь оберегающее значение⁷⁰. Отсюда можно предположить, что в дорожной культуре карелов рукавицы путника изначально выполняли функцию оберега, но к XIX в. утратили свое символическое значение.

Особый интерес вызывает обувь путника, поскольку в дорогу уходили обутыми. Также для карелов являлось характерным хоронить (отправлять в последний путь) женщин и мужчин в сапогах [9]. В экспедиции 1956 г. под руководством Р. Ф. Таровой были зафиксированы верования о необходимости погребения в обуви даже детей⁷¹. Данный обычай подкрепляется представлениями о невозможности преодоления пути в иной мир босиком⁷², что косвенно подтверждается обрядом приглашения души покойника за поминальный стол, бытовавшим в среде карелов-людиков, в котором упоминается о прибытии души покойного в обуви [10]. У сямозерских карелов хозяйке запрещалось входить в хлев без обуви и головного убора, чтобы не оскорбить

⁶¹ Конкка А.П. Грехи и запреты в повседневном и обрядовом поведении как часть традиционной картины мира у карел. С. 331.

⁶² Чёха О.В. Топор. В кн.: Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения; 2012. Т. 5. С. 288.

⁶³ Маслова Г.С. Материалы по аграрному календарю карел юго-западной Карелии. В кн.: Полевые исследования института этнографии. 1978 г. М.; 1980. С. 224.

⁶⁴ Логинов К.К. Традиционная одежда народов Карелии. С. 18.

⁶⁵ Там же. С. 168.

⁶⁶ Логвиненко Е.С. Традиционная одежда. С. 132.

⁶⁷ Конкка А.П. Свадебная обрядность. С. 190.

⁶⁸ Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. С. 68.

⁶⁹ Конкка А.П. Семантика одежды переходных состояний у карел: погребение, свадьба, святочное ружение. В: Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования. Петрозаводск: КарНЦ РАН; 2016. С. 389.

⁷⁰ Толстая С.М. Одежда. С. 524.

⁷¹ НА КарНЦ, Ф. 1. Оп. 29. Д. 43. Л. 6.

⁷² Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Обувь. С. 477.

духа-хозяина двора⁷³. Предположительно, схожее отношение было к духу-хозяину леса, поскольку в лес уходили в сапогах или лаптях⁷⁴. Согласно мифам карелов, и сам леший зачастую являлся перед человеком в сапогах⁷⁵. Соответственно, наличие или отсутствие обуви у встречного путника не было идентифицирующим фактором представителя «своего» или «чужого» мира. Таким образом, в дорожных практиках карелов символическая функция обуви прослеживается слабо и требует отдельного изучения.

Заключение

Дорожный костюм карелов состоял из будничной одежды, но дополнялся специализированной верхней одеждой в зависимости от сезона – балахоном с кукелем, армяком или тулупом. Среди северных карелов бытовала дорожная обувь *pieksut*, предназначенная для пешей ходьбы. Анализ знаково-символических функций дорожного костюма карелов позволил выделить следующие обязательные элементы одежды путника, имеющие оберегающее значение: головной убор, верхняя одежда, пояс, рукавицы. Можно предположить, что в этот перечень входила и обувь. Важным дорожным маркером являлся также способ ношения верхней одежды – запах. Выделенные виды дорожной одежды карелов помимо утилитарной функции дополнялись символической: препятствовали воздействию на путника враждебных сил, устанавливали границу между человеком и «чужим» миром, создавая безопасную зону вокруг человека в условиях потенциально опасной дорожной среды.

Результаты исследования вносят вклад в изучение традиционной культуры карелов, раскрывают семантику основных атрибутов путника. Перспективы исследования видятся в дальнейшем изучении предметов материальной культуры карелов в аспекте движения.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Ливв. – ливвиковское наречие карельского языка; люд. – людиковское наречие карельского языка; с-к. – собственно карельское наречие карельского языка.

ABBREVIATIONS

Livv. – Livvi dialect of the Karelian language; Lud. – Ludic dialect of the Karelian language; P-k. – Proper Karelian dialect of the Karelian language.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фурсова Е.Ф. Знаково-символические функции русской традиционной одежды в исследованиях культурологов, искусствоведов, психологов, этнографов. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2017;23:503–508. URL: <http://www.paecas.ru/Articleru/230> (дата обращения: 23.03.2025).
2. Ершов М.Ф. Восприятие путешественников на Тобольском Севере в XIX – начале XX вв. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2020;(6):61–68. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.69.6.008>
3. Адаев В.Н., Рахимов Р.Х. Традиционная культура путешествия тундровых ненцев. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2015;(2):151–158. URL: [http://ipdn.ru/_private/a29/va2\(29\)2015.pdf](http://ipdn.ru/_private/a29/va2(29)2015.pdf) (дата обращения: 15.11.2024).
4. Калмыкова М.Н. Образ путника в удмуртской народной культуре: определение статуса. *Вестник удмуртского университета. Сер.: История и филология*. 2016;26(1):64–67. URL: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/3284> (дата обращения: 20.03.2025).

⁷³ Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия. С. 166.

⁷⁴ Фишман О.М. *Mečän-iz'änd'ä* – карельский леший (к реконструкции образа). В: Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. СПб.; 1994. С. 89.

⁷⁵ Иванова Л.И. Персонажи карельской мифологической прозы: исследования и тексты быличек, быватьшин, поверий и верований карелов. С. 154.

5. Мигранова Э.В., Шангараева Л.Х. К вопросу о традиционных путешествиях и дорожной культуре башкир. *Oriental Studies*. 2020;13(4):961–975. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-50-4-961-975>
6. Рывкина Г.В. Содержание и состояние проезжих дорог карельских уездов Олонецкой губернии. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2021;43(4):110–117. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.625>
7. Винокурова И.Ю., Рывкина Г.В. Динамика традиционных мобильных практик карелов-людигов. *Вестник угроведения*. 2021;11(3):503–512. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-3-503-512>
8. Миронова В.П., Иванова Л.И. Обряд жениховой бани в контексте карельской свадебной традиции. *Томский журнал ЛИНГ и АНТР*. 2025;(1):108–117. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2025-1-108-117>
9. Минвалеев С.А. Похоронно-поминальная обрядность карелов-людигов (по материалам первой этнографической экспедиции Р. Ф. Тароевой). *Труды Карельского научного центра Российской академии наук*. 2015;(8):104–112. <http://dx.doi.org/10.17076/hum212>
10. Винокурова И.Ю., Минвалеев С.А. Поминальная обрядность карелов-людигов: ареальная характеристика на фоне общих и локальных традиций соседних народов. *Этнографическое обозрение*. 2018;(4):152–170. <https://doi.org/10.31857/S086954150000412-3>

Информация об авторе:

Рывкина Галина Викторовна, младший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8278-0466>, SPIN-код: 3933-1456, galryv@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 28.04.2025; одобрена после рецензирования 14.05.2025; принята к публикации 29.05.2025.

REFERENCES

1. Fursova E.F. Semantic and Symbolic Functions of Russian Traditional Clothing in the Research of the Cultural Studies Scholars, Art Historians, Psychologists, and Ethnographers. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. 2017;23:503–508. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://www.paeas.ru/Articleru/230> (accessed 23.03.2025).
2. Ershov M.F. Perception of Travelers in the North of Tobolsk in the XIX – the Beginning of the XX Centuries. *The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 2020;(6):61–68. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.69.6.008>
3. Adaev V.N., Rakhimov R.Kh. [Traditional Travel Culture of the Tundra Nenets]. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2015;(2):151–158. (In Russ.) Available at: [http://ipdn.ru/_private/a29/va2\(29\)2015.pdf](http://ipdn.ru/_private/a29/va2(29)2015.pdf) (accessed 15.11.2024).
4. Kalmykova M.N. The Image of a Traveler in the Udmurt Traditional Culture: Status Determination. *Bulletin of the Udmurt University. Ser.: History and Philology*. 2016;26(1):64–67. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/3284> (accessed 20.03.2025).
5. Migranova E.V., Shangaraeva L.Kh. Revisiting Traditional Travel and Road Culture of the Bashkirs. *Oriental Studies*. 2020;13(4):961–975. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-50-4-961-975>
6. Ryvkina G.V. Maintenance and Conditions of the Roadways in Karelian Uyezds of the Olonets Province. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):110–117. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.625>
7. Vinokurova I.Yu., Ryvkina G.V. The Dynamics of Traditional Mobile Practices of the Ludian Karelians. *Bulletin of Ugric Studies*. 2021;11(3):503–512. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-3-503-512>
8. Mironova V.P., Ivanova L.I. The Bridegroom's Banya Ritual in the Context of the Karelian Wedding Tradition. *Tomsk Journal LING & ANTHRO*. 2025;(1):108–117. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2025-1-108-117>
9. Minvaleev S.A. The Funeral and Memorial Rites of the Ludics (Based on the R. F. Taroeva's First Ethnological Expedition). *Transactions of the Karelian Research Centre RAS*. 2015;(8):104–112. (In Russ., abstract in Eng.) <http://dx.doi.org/10.17076/hum212>
10. Vinokurova I.Yu., Minvaleev S.A. Commemorative Rituals of the Ludian Karelians: The Areal Characteristic among the Common and Local Traditions of the Neighbouring Peoples. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2018;(4):152–170. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S086954150000412-3>

Information about the author:

Galina V. Ryvkina, Junior Researcher of the Ethnology Sector, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8278-0466>, SPIN-code: 3933-1456, galryv@yandex.ru

Author has read and approved the final manuscript.

Submitted 28.04.2025; revised 14.05.2025; accepted 29.05.2025.